

Хань Ци улыбнулся и протянул руку, чтобы потрепать её по голове. Ему часто приходилось видеть таких девчонок, и немало из них успело влюбиться в его пациентов; Нин Лань была одной из таких.

Впрочем, хватало и тех, кто, стоило им выписаться из больницы, забывал его напрочь. Но на этот раз Нин Лань в их число не входила.

— Когда ты подрастешь, то, пожалуй, поймешь, какой я на самом деле скучный, и пройдешь мимо на улице, даже не взглянув в мою сторону и не поздоровавшись.

Юй Юй покачала головой: — Ни за что! Я собираюсь выйти за тебя замуж!

Хань Ци больше ничего не сказал, повернулся к госпоже Юй и слегка кивнул: — Я пойду, позовите, если что-то понадобится.

Закончив утренний обход, он собрался вернуться в кабинет. Когда он проходил мимо сестринского поста, его взгляд зацепился за знакомый силуэт.

Худенькая, высокая женщина на высоких каблуках полубоком прислонилась к стойке и, достав из сумочки леденцы, по одному раздавала их молоденьким медсестрам.

Стоя вполоборота, она лучезарно улыбалась, и от этой улыбки слепило глаза: — Угощайтесь свадебными конфетками, давайте-давайте.

— Сестрица Нин Лань, ууу, это просто сказочная любовь, я вся иззавидовалась! Пусть я никого не знаю, но тоже хочу приобщиться к вашему счастью. Когда же я наконец встречу такого прекрасного альфу?

— Ну-ну, тише, вот подрастешь — сестрица подыщет тебе подходящую пару, уж он-то будет в сто раз лучше него, правда? — Нин Лань протянула руку и ущипнула Фэн Шу за щеку с совершенно хулиганским видом.

Фэн Шу потёрла щеку и, скосив глаза, заметила Хань Ци: — Доктор Хань!

Нин Лань повернулась, с лукавой улыбкой зажала в пальцах несколько леденцов и уверенной походкой направилась к нему. Её длинные, стройные и прямые ноги в туфлях на шпильках казались еще соблазнительнее, а каждый её шаг отдавался прямо в его сердце.

— Любимый, угощайся свадебной конфеткой.

Хань Ци отвернулся: — Поздравляю. Конфеты не нужны, я не люблю сладкое.

Три

— Неужели совсем не хочешь? — Нин Лань прищурилась в улыбке.

Хань Ци посмотрел на её белую ладонь, на которой лежала красная конфета: — Нет нужды. — С этими словами он развернулся и ушел в кабинет.

Фэн Шу удивилась: — Что это с доктором Ханем?

Нин Лань усмехнулась: — Пустяки. Наверное, несколько дней не виделся со мной и соскучился, пойду ублажу его.

Вернувшись в кабинет, Хань Ци всё еще не мог заглушить тугое, кислое жжение на самом дне души, его брови сошлись на переносице. Он ведь ясно знал, что вовсе не любит Нин Лань и тем более не одобряет её бешеные, наглые методы обольщения.

Словно он для нее какая-то игрушка: появится интерес — поиграет, пропадет — повернется и уйдет, не оглядываясь и не испытывая ни малейшего сожаления.

За кого вообще она его принимает?!

Нин Лань постучала в дверь и, скрестив длинные ноги, прислонилась к косяку: — Любимый.

Хань Ци проигнорировал её и, уткнувшись носом в бумаги, принялся заполнять медицинскую карту.

Её вовсе не смутило такое ледяное отношение. Войдя в кабинет, Нин Лань затворила за собой дверь, щелкнула задвижкой, медленно приблизилась и склонилась над ним.

— Сердишься?

Хань Ци молчал.

— Ой да ладно, я же и правда была занята последние дни. К тому же ты сам не разрешаешь мне звонить, когда ты на работе, разве я не боялась помешать твоему отдыху?

Сегодня на Нин Лань была надета блузка с открытыми плечами, её ключицы и шея выглядели нежными и белоснежными, а феромоны струились вокруг легкой, едва уловимой дымкой. Пейзаж с той памятной фотографии был надежно скрыт от посторонних глаз.

— Госпожа Нин.

— Зови меня Нин Лань.

— ...Госпожа Нин, прошу вас вести себя приличнее.

Нин Лань подмигнула ему и попыталась ухватить Хань Ци за подбородок, но он отпрянул и отошел в сторону. Тогда она подступила ближе и уцепилась за полу его белого халата: — Малыш, дай мне четкий ответ: что нужно сделать, чтобы тебя завоевать?

Прижатый к стене Хань Ци глубоко вздохнул и отвернулся.

Он вовсе не был святошей вроде Лю Сяньхуэя: в присутствии феромонов Нин Лань его тело неизбежно отзывалось, а железы начинали реагировать, однако у него не было ни малейшего желания становиться третьим лишним.

— Госпожа Нин, если вы пришли сегодня не на прием, будьте добры, покиньте кабинет.

— На прием? Ладно.

Нин Лань подошла к кушетке, легла на нее, вытянув и сомкнув прямые ноги, и поманила его пальцем: — Иди сюда.

Хань Ци сжал пальцы в кулаки, заставил себя успокоиться, подошел к кушетке и холодно произнес: — Попрошу госпожу Нин повернуться, я осмотрю железы.

Нин Лань издала звук «о», повернулась на бок и закинула длинные пальцы за ухо, откинув волосы, чтобы обнажить затылок. Хань Ци на мгновение прикрыл глаза, заставляя себя сохранять хладнокровие, и осторожно коснулся её желез.

— Цы. — Нин Лань шумно втянула воздух.

Хань Ци тут же ослабил пальцы: — Больно?

— Не больно, щекотно. — Повернувшись к нему спиной, Нин Лань говорила мягким, ласкающим голосом, от которого исходил недвусмысленный, соблазнительный подтекст. — Доктор Хань знает, где именно мне щекотно?

Хань Ци пропустил эту провокацию мимо ушей, наклонился ближе к железам и осторожно принялся.

Помимо естественного аромата роз, от желез исходил едва уловимый запах лекарств — судя по всему, она исправно мазала их по графику.

— Любимый.

— Мм?

Нин Лань резко развернулась, ухватила Хань Ци за воротник и дернула вниз с такой стремительной и плавной легкостью, что он рефлекторно уперся рукой ей в голову.

— Я...

Тук-тук!

— Доктор Хань, ЧП!

— Доктор Хань, вы здесь? Состояние пациента из восьмой палаты ухудшилось!

Хань Ци оттолкнул руку Нин Лань, но она, подавшись вперед, мимоходом мазнула губами по его уголку рта и с легким сожалением произнесла: — Продолжим в другой раз, я побежала.

Хань Ци увидел, как она отпустила его, соскочила с кушетки и собралась уходить: — Разве тебе не нужно ставить капельницу?

Нин Лань слегка огладила одежду и волосы, подхватила сумочку и подмигнула ему: — Я только со самолета, в компанию еще не заезжала, заглянула к тебе по пути. Разберешься со срочными делами, а потом поговорим, спешить некуда.

Хань Ци уже в который раз провожал взглядом её удаляющуюся спину, не знающую сожалений. Возле самой двери она привычно чиркнула Фэн Шу по подбородку и с улыбкой бросила на ходу: — Обязательно-обязательно, в следующий раз дорасскажу, умница.

Хань Ци выдохнул, повернулся и заметил на кушетке какой-то блестящий предмет — это была брошь.

Он поднял её и долго рассматривал; тепло чужих губ словно до сих пор ощущалось на его коже. Хань Ци прикрыл глаза и спрятал украшение в карман халата.

— Доктор Хань, у того пациента, чьи родственники устроили скандал, снова осложнения!

Хань Ци: — Какая картина? Рассказывай по дороге.

Фэн Шу бросила короткое «поняла» и поспешила следом за ним.

-

Способности Нин Лань в корпорации Лу признавали все. Человек, лично воспитанный Лу Сяньчжоу, прошедший с ним сквозь самые темные времена и разделивший радость триумфального возвращения.

Её положение в компании было незыблемым, но и загруженность — колоссальной.

Шеф как раз решил восполнить пробел с законной свадьбой и укатил с женой в медовый месяц, оставив на Нин Лань ежедневные видеосоветования и всю тяжесть свалившихся на плечи забот.

Выкроив свободную минуту, Нин Лань презрительно фыркнула в экран: — Вы хоть каплю совести имеете? Устраивать мне тут демонстрацию семейной идиллии в такой момент — вы вообще человек?

Лу Сяньчжоу: — Человек.

— Тьфу. — Нин Лань закатила глаза, не прекращая стучать по клавишам и не сбавляя оборотов насмешек: — Умоляю, раз уж вы в медовом месяце, наслаждайтесь друг другом тихо, не надо делиться со мной рецептами этого приготовления. По-вашему, я выгляжу той, кому это сейчас нужно?

— Больше не говори никому, что ты моя ученица. Если не можешь закадрить даже какого-то альфу, от тебя вообще никакого проку.

— Пусть от меня никакого проку, но я всё равно сижу тут, сгорая на работе подобно восковой свече, пока ваш император предаётся праздности. И после этого вы спрашиваете, какой от меня прок? — договорив, Нин Лань подперла подбородок рукой и, сменив гнев на милость, подобострастно залепетала: — Лу-цзун, можно мне сегодня вечером не оставаться на сверхурочные? Отпустите в отпуск!

— На свидание?

Нин Лань обиженно протянула: — Да я уже полгода за ним бегаю, а прогресса ноль! Сегодня же Циси, смилуйтесь, дайте отгул.

Лу Сяньчжоу милостиво взмахнул рукой: — Разрешаю.

-

Хань Ци провозился весь день, и к вечеру, собираясь домой, устало потер переносицу: — Фэн Шу, на сегодня еще остались записанные пациенты?

Фэн Шу ответила: — Нет. Был один, но отменился. Что-то случилось?

— Ничего, иди домой.

Фэн Шу протянула «угу» и поинтересовалась: — А вы разве не собираетесь уходить? Сегодня же Циси, неужели не пойдете праздновать ровно по окончании смены?

Циси.

Она, наверное, тоже празднует.

Хань Ци: — Я не отмечаю такие праздники.

Его родные жили за границей, так что в Пинчжоу он был одинок, как перст. Ни близких друзей, ни любимого омеги у него не было; а если бы и был, то наверняка уже давно принадлежал кому-то другому.

Праздники не имели для него особого значения.

Выйдя из больницы, Хань Ци увидел девочку-подростка, которая выбежала откуда-то из темноты и преградила ему путь: — Братик, купите цветы для любимого человека?

Глядя на ярко-красные розы, мерцавшие влажным блеском в свете больничных фонарей, Хань Ци словно поддался какому-то наваждению — он достал деньги и купил целый букет. Сразу после покупки до него дошло, что он сделал, и он горько усмехнулся про себя.

И кому он их подарит?

В этот момент зазвонил телефон. Звонила Нин Лань, и он какое-то время колебался, гадая, не решила ли она сообщить, что проводит вечер со своим альфой, и попросить больше не докучать ей.

Хань Ци почему-то не хотелось отвечать.

Телефон звонил не переставая, и в конце концов он принял вызов: — Слушаю?

Голос Нин Лань звучал мягко, словно в нем тлел крошечный огонек: — Любимый, мне что-то нездоровится, кажется, начинается течка. Не мог бы ты приехать ко мне?

Брови Хань Ци мгновенно взлетели вверх: — Ты где?!

Нин Лань: — Дома, давай побыстрее.

Не раздумывая ни секунды, Хань Ци развернулся, забрал ключи от машины и помчался напрямик к жилому комплексу, где жила Нин Лань. Квартиру ей выделил Лу Сяньчжоу, и ради безопасности вход на территорию осуществлялся строго по пропускам.

Хань Ци уже собирался набрать номер Нин Лань, как охранник опередил его: — Вы к госпоже Нин? Она предупреждала, вас можно пропускать без досмотра.

У Хань Ци шевельнулось смутное подозрение, но раздумывать было некогда. Он загнал машину на парковку у дома и по указанному этажу отыскал нужную квартиру.

Стоило ему постучать, как дверь распахнулась сама собой. Сердце у него ёкнуло — дурное предчувствие кольнуло в груди.

— Нин Лань!

Никто не отозвался.

Хань Ци встревожился не на шутку: она говорила о начавшейся течке, но в прихожей почти не пахло феромонами. Неужели с ней что-то случилось?!

— Нин Лань! Где ты?! — крикнул он сорванным голосом. В этот момент его плечи сковало, а теплое, мягкое тело обвило его сзади, окутывая дыханием с ароматом роз.

— Любимый, я здесь. — Нин Лань потерлась щекой о его железы на затылке. — Мм? Почему ты дрожишь?

Хань Ци с силой оторвал её руки от себя, резко обернулся, и слова упрёка застряли у него в горле. От увиденного у него закружилась голова, а феромоны чуть не вырвались наружу.

На Нин Лань было надето ципао с разрезом до самого бедра, грудь соблазнительно угадывалась под полупрозрачной дымкой ткани, напоминавшей окутанные туманом облачные горы — сплошной намек и невероятная чувственность.

— Я красивая? — Нин Лань приблизилась, и при каждом её движении ткань колыхалась в такт шагам.

Беспокойство, тревога и страх Хань Ци мгновенно переплавились в ярость. Он гневно бросил: — Тебе весело надо мной издеваться?

Нин Лань замерла.

— Обманывать меня началом течки, чтобы я переживал? Я для тебя, Нин Лань, всего лишь игрушка, с которой можно поиграть, когда выдалась свободная минута, и о которой даже не вспоминаешь, когда занята?

Внутри Хань Ци всё кипело, слова срывались с языка сбивчиво, без всякой логики, словно пытаясь выплеснуть накопившуюся злость: — Раз у тебя уже есть альфа, какого черта ты продолжала лезть ко мне? Если уж говорила, что любишь, почему не смогла довести дело до конца?

Нин Лань остолбенела. Прошло немало времени после его тирады, прежде чем она растерянно выдавила: — А?

Поняв, что потерял самообладание, Хань Ци отвернулся и холодно бросил: — Прости, мне нужно идти.

— Погоди. — Нин Лань перехватила его за запястье. — Ты что такое мелешь? Какой еще альфа? Малыш, ты из каких галактик эту ревность черпаешь? Тот недоступный альфа, о котором я мечтаю, — это же ты и есть!

Хань Ци замер.

— Конфеты показались сладкими?

Нин Лань тут же сообразила в чем дело: — Да чтоб меня, ты из-за этого ревновал?! Те конфеты были шефа. Фэн Шу ляпнула, что они завидуют их любви и хочет приобщиться к чужому счастью, вот я и взяла угостить девчонок. И тебя ведь тоже угостила.

Хань Ци опешил.

— Ты что, подумал, будто это презенты от какого-то другого альфы? Дурочка моя, даже если бы я кого-то нашла, мы бы не поженились так быстро — браки по залёту не заключаются по щелчку пальцев. До чего же ты бестолковый.

Хань Ци нахмурился.

— Ай, малыш, и не знала, что ты у меня такой милый. Целый день сам себя изводил кислыми мыслями? — Нин Лань рассмеялась звонким, заливистым смехом и закинула руку ему на плечо. — Любимый, как же ты ревнив! Но выглядел сейчас безумно сексуально, мне нравится.

— Я не ревновал. С кем ты там сходишься — не мое дело.

Нин Лань прищурилась и провела пальцем по его воротнику: — Но если серьезно, раз уж ты думал, что у меня появился альфа, и все равно примчался сюда сломя голову, услышав, что мне плохо... Значит ли это, что я тебе всё-таки хоть капельку нравлюсь?

Хань Ци отстранил её руку: — Я ухожу.

Нин Лань не стала его удерживать. Слегка приподняв брови, она опустилась на диван и взяла со столика бокал вина; когда ноги переплелись, обнажилась гладкая, белая кожа бедра.

— Хань Ци, я спрашиваю в последний раз.

— Мм.

— Я, Нин Лань, за всю жизнь не бегала ни за одним альфой. Ты — первый. Дай мне прямой ответ: я тебе вообще нравлюсь?

Хань Ци молчал.

Нин Лань опустила взгляд и легонько покатила вино в бокале: — Если я тебе нравлюсь — давай проведем этот праздник вместе. А если нет...

Не дослушав, Хань Ци шагнул за порог и исчез в дверном проеме.

Фраза Нин Лань — А если нет, плевать, я-то тебя люблю, буду преследовать, пока не растоплю твое сердце — застряла у нее в горле. Небрежно накинув на плечи палантин, чтобы прикрыть соблазнительное тело, она плеснула себе еще полбокала вина.

А у любимого характер оказался нестигаемым.

Буквально через пару минут в коридоре снова слышались шаги. На пороге возник Хань Ци с букетом ярко-красных роз в руках. Выражение его лица было слегка неестественным, а голос прозвучал чуть суховато: — Нин Лань.

Нин Лань слегка приподняла подбородок и, царственно прислонившись к спинке дивана, подтянула палантин: — Мм?

— Ты добивалась меня полгода. — Хань Ци говорил, шагая вглубь комнаты, и остановился прямо перед ней, опуская взгляд на её лицо. — Я хочу, чтобы признание, после которого мы наконец станем парой, исходило от меня.

Нин Лань опешила.

Хань Ци: — Госпожа Нин Лань.

— Слушаю.

— Предлагаю тебе начать со мной встречаться.

Нин Лань вытянула ногу, зацепила его за брючину и прищурилась: — А любимый-то не промах.

Дыхание Хань Ци сбилось. Резко выпрямившись, он возмущенно бросил: — Ты вообще омега или нет?!

Сбросив палантин, Нин Лань соблазнительной, плавной походкой приблизилась к нему и, вскинув голову, прошептала: — Хочешь проверить?

С этими словами она слегка приподнялась на носочках и прижалась к его губам. Ресницы Хань Ци затрепетали, и он медленно закрыл глаза.

Все бури позади — теперь он покорен лишь тебе.

Нин Лань, конец. Завтра — глава про старшего брата.

Глава о старшем брате

— Мелкий гадёныш, опять сбежал.

— Ищите! Если не найдете, можете не возвращаться!

Подросток, забившись в самый темный угол, дрожал всем телом. Тонкие руки бешено тряслись, пересохшие губы мелко подрагивали, а дышать он боялся в полный голос, страшась привлечь к себе внимание.

Шум перевозимых вещей и ящичков не смолкал ни на минуту. Он крепко зажмурил глаза, до крови прикусив губу, и в отчаянии молил про себя: только бы не нашли, только бы не нашли.

Перед глазами до сих пор стоял образ матери перед смертью — она из последних сил спрятала его, а сама бросилась в противоположную сторону.

Голоса мужчин доносились уже совсем близко: ругань, яростные окрики сменяли друг друга.

Ему было страшно, до безумия страшно, но плакать нельзя — слезы могли выдать его.

Он прятался уже во второй раз. В первый раз мать упрятала его в узкую щель за книжным шкафом: там было темно и тесно, все тело ломило от боли, но он не смел шелохнуться, боясь издать хоть звук.

Тогда они все равно его нашли.

А это был его второй побег.

Сколько времени прошло, он не знал. Снаружи стихло; юноша предположил, что преследователи потеряли надежду и ушли. Стараясь не шуметь, он шевельнулся, и от резкой боли на глаза навернулись слезы.

Сжав зубы, он с трудом толкнул книжный шкаф и осторожно высунулся в образовавшуюся щель.

— Парень, а прятаться ты мастак.

Подросток остолбенел. От первобытного ужаса волосы на теле встали дыбом, он попытался сорваться с места, но затекшие от долгого сидения ноги не слушались, к тому же от истощения и недоедания сил почти не осталось — не успел он пробежать и пару шагов, как его схватили.

Оглушающая пощёчина обожгла щеку, в голове мгновенно помутилось.

Мужчина с силой швырнул его на пол, от удара кости заныли так, будто рассыпались на куски. Разъяренный мужчина впился пальцами в грязный воротник мальчишки и отвесил ему еще несколько звонких пощёчин.

Свернувшись калачиком, юноша глухо стонал от боли, но страх оказался сильнее физических страданий — он отчаянно забился в попытке вырваться. Мужчина сжал пальцы на его горле и осквернился усмешкой:

— Беги, ну же, побегай. Воображаешь себя невесть кем.

Подросток отбрыкивался изо всех сил, и мужчина, не ожидавший отпора, действительно получил удар ногой. Свободный на секунду парень вцепился зубами в чужую руку и, едва мучитель от боли отпустил его, вскочил на ноги, нащупал на полу брошенную бейсбольную битку и отпрянул назад: — Не подходи!

Мужчина не спешил набрасываться снова — он с мрачной ухмылкой разглядывал хитрого, прижатого к стене лисёнка.

— Му Шуанлань, отдай то, что велела спрятать твоя мать, и я так и быть сохраню тебе жизнь.

— Она ничего мне не оставляла! Что вам вообще от нас нужно?!

Мужчина шагнул ближе, сунув руки в карманы, и сделал вид, будто собирается пнуть мальчишку, хотя удар наносить не стал, словно просто пугая: — Шуанлань, дядя ведь раньше так любил тебя, мне совсем не хочется причинять тебе боль, но...

Перехватив его взгляд, Му Шуанлань резко обернулся, но было поздно — тяжелый удар по голове лишил его сознания, и он рухнул на пол.

— Ты что, совсем сдурел, убить его решил?!

— Жалость проснулась?

— Какая к черту жалость, если он сдохнет, мы никогда не найдем то, что ищем, и тогда нам всем конец. Ладно, тащите его обратно.

<http://bllate.org/book/21169/2144714>